

Поэтому совпадение описания Дориды и Ольги у Пушкина с приведенными описаниями у Батюшкова, конечно, не случайное, но в стихах о Дориде Пушкин влечение Батюшкова к сочетанию золотого и голубого цветов еще разделяет, а в стихах об Ольге Лариной («Я прежде сам его любил, Но надоел он мне безмерно») это сочетание Пушкину уже представляется тривиальным.

Б. Г. Рейзов

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ У ПУШКИНА

Возникший на горизонте французской литературы в 1819 г., Андре Шенье был предметом размышлений и споров в течение многих лет. Это был «классик», подражавший древним и создавший жанр антологических стихотворений, элегик, словно предсказавший развитие элегии в период Империи, первый «романтик», открывший эпоху в истории новой европейской поэзии. В 1820-е годы это была самая бесспорная поэтическая величина, внушавшая уважение самым различным политическим и литературным кругам Франции и Европы.

Интерес Пушкина к Шенье прошел несколько этапов. Вначале французский поэт увлек его главным образом своими элегиями, так же, как элегики наполеоновской поры. Тогда он, не смущаясь, утверждал, что «любовь одна — веселье жизни холодной», и считал себя, вместе с другими, «наследником Тибулла и Парни». В стихотворении «Андрей Шенье» (первая половина 1825 г.), которое в издании 1826 г. тоже попало в отдел «элегий», образ поэта словно двоятся. Это несомненно элегический поэт, «верный любви, стихам и тишине». Но он «кинулся туда, где ужас роковой», и на его лице зазвенела медная струна:

Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич достигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных. . .

«Благородный след» «того возвышенного галла» наконец открыт. Образ Шенье получает новое содержание, и это свидетельствует, что Пушкин ищет темы, более глубокие и емкие, и что счастливая или несчастливая любовь, господствовавшая в юношеской лирике, не может поглотить все его художественные интересы и творческий пыл.

«Вы, я думаю, знаете, что почти все антологические стихотворения Пушкина переведены из А. Шенье?», — писал, с некото-

рым преувеличением, И. С. Тургенев П. В. Анненкову в 1853 г.¹ Но вместе с антологическими стихотворениями, открывшими «объективную» манеру лирики Пушкина, он не перестает интересоваться и его элегиями, теперь уже не столько любовными, сколько философскими.

В 1828 г. (дата цензурной рукописи) он пишет стихотворение «Каков я прежде был, таков и ныне я», указывая в эпитафии источник этой первой строки: «*Tel j'étais autrefois et tel je suis encore*».²

Говорили, что Пушкин заимствовал у Шенье этот первый стих только для того, чтобы скрыть автобиографический смысл своего стихотворения.³ Однако если даже это стихотворение и включает в себе что-либо автобиографическое, то оно имеет столь общий характер, что едва ли поэту нужно было это скрывать. С другой стороны, стихотворение Пушкина связано с «фрагментом» Шенье не только одной этой строкой, как утверждают комментаторы.⁴

В обоих произведениях развивается одна и та же мысль. Шенье, растратившего все свои деньги, прогоняет неумолимая Фанни, он идет домой и находит счастье в занятиях философией. Но если опять появятся деньги, поэт забудет вместе с философией и старые обиды, примет на себя все вины и будет искать примирения с Фанни.

Та же тема — в 37-й элегии Шенье: «Я свободен. Камилла в моих глазах — ничто... Но эта свобода вскоре будет утрачена. Я знаю себя. Я всегда свободен, и всегда раб. Для меня быть свободным значит менять оковы. Сколько есть на свете блистательных красавиц, столько же и предметов моей бродячей любви».⁵

А вот «ответ» Пушкина:

... Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления...
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой
Я новым идолам несущ мой молюбы...

Во «Фрагменте» речь идет об одной единственной Фанни, в 37-й элегии число «идолов» или «предметов бродячей любви»

¹ 2 февраля 1853 г.: И. С. Тургенев. Письма, т. II, М.—Л., 1961, стр. 121.

² В издании сочинений Шенье, которым пользовался Пушкин, это стихотворение помещено в разделе «Fragments»: *Poésies d'André Chénier*. Paris, 1820, p. 187.

³ См. комментарий в кн.: А. С. Пушкин, Полное собр. соч. в шести томах под ред. М. А. Цявловского, т. I, 1936, стр. 764.

⁴ См. там же.

⁵ *Aux deux frères rudaine*. *Poésies d'André Chénier*, p. 182.

не определено. Возможно, что стихотворение Пушкина было откликом на оба стихотворения Шенье, сохранившихся в его поэтической памяти.⁶

Но следует отметить, что первая строка «Фрагмента» не является находкой Андре Шенье. Он вспомнил шуточную поэму английского поэта Метью Прайора (Prier, 1664—1721), дипломата и прославленного поэта, неоднократно издававшегося в Англии. Во Франции его переводил аббат Иар в огромном труде под названием «Образ английской поэзии».⁷ В поэме «Городская и полевая мышь» («The Town and Country Mouse»), написанной Прайором вместе с его покровителем Монтегю с целью пародировать поэму Драйдена «Лань и Пантера» («The Hind and the Panther»), есть известный стих:

Such was I — such, by nature, still I am.

Шенье, бывший секретарем французского посольства в Лондоне в течение трех лет, мог прочесть эту фразу на английском языке или в переводе и использовать ее в совсем другом, не комическом, а лирическом плане. Объяснить иначе такое близкое сходство едва ли возможно, хотя мысль эта часто встречается в литературе XVII в., очевидно в связи с физицизмом, получившим тогда такое мощное развитие.⁸ Встречается она почти в той же форме и в «Двенадцатой ночи» Шекспира.⁹

Как бы то ни было, но стихотворение Пушкина несомненно связано с «Фрагментом» Шенье.

Не прошла бесследно для Пушкина и самая известная элегия Шенье, напечатанная в издании Латуша под № XXXIII.

Впервые она была опубликована Шатобрианом в 1802 г. в «Гении Христианства».¹⁰ Это прославило ее тогда же во всей Европе. Стендаль, читавший «Гений Христианства» вскоре после его появления в печати, был восхищен этой элегией и переписал в письме к сестре, чтобы она тоже могла насладиться поэзией, показавшейся в то время художественным открытием

⁶ Героиня «Фрагмента» Шенье в издании Латуша носит имя Фанни. В других изданиях восстановлено имя «Лаура» (или «Лора»), так же как число стихотворных строк уменьшено с тридцати шести до двадцати. Вопросы текстологии нас здесь не могут интересовать, так как ни с какими другими текстами, кроме напечатанного Латушем, Пушкин не был знаком.

⁷ Antoine Yart. *Ideé de la poésie anglaise*. 1749—1756, 8 vls.

⁸ Ср., например, басни Лафонтена «Le loup devenu berger» (Livre III, fable 3), «Le cheval et le loup» (Livre V, fable 8) и «Le loup et le renard» (Livre XII, fable 2), а также слова Филинта в «Мизантропе» Мольера (Д. I, сц. 1). — За эти справки приношу благодарность М. В. Разумовской.

⁹ Alas! our frailty is the cause, not we!
For such as we are made of, such we be.

Act II, Sc. 2.

¹⁰ *Génie du christianisme*, Partie II, livre 3, ch. VI, note XV.

нием.¹¹ Часто приводили эту элегию по «лению Христианства». Уже по изданию Латуша ее цитировали братья Гюго в «Conservateur littéraire» в декабре 1819 г.¹²

Вот эта элегия в том виде, в каком ее мог прочитать Пушкин:

Souvent, las d'être esclave et de boire la lie
De ce calice amer que l'on nomme la vie,
Las du mépris des sots qui suit la pauvreté,
Je regarde la tombe, asile souhaité;
Je souris à la mort volontaire et prochaine;
Je me prie, en pleurant, d'oser rompre ma chaîne,
Le fer libérateur qui percerait mon sein
Déjà frappe mes yeux et frémit sous ma main,
Et puis mon coeur s'écoute et s'ouvre à la faiblesse;
Mes parents, mes amis, l'avenir, ma jeunesse,
Mes écrits imparfaits; car, à ses propres yeux
L'homme sait se cacher d'un voile spécieux.
A quelque noir destin qu'elle soit asservie,
D'une étreinte invincible il embrasse la vie;
Et va chercher bien loin, plutôt que de mourir,
Quelque prétexte ami, de vivre et de souffrir.
Il a souffert, il souffre: aveugle d'espérance,
Il se traîne au tombeau de souffrance en souffrance;
Et la mort, de nos maux ce remède si doux,
Lui semble un nouveau mal, le plus cruel de tous.¹³

Это проблема самоубийства, уже привлекавшая к себе внимание в конце XVIII в. — стоит вспомнить «Страдания юного Вертера» Гете и «Последние письма Якопо Ортиса» Уго Фосколо. Она встречается и в других произведениях Шенье.¹⁴

Проблема самоубийства оказалась достаточно острой в конце 1820-х и в начале 1830-х годов, так как случаи самоубийств сильно участились. После Реставрации самоубийство стали объяснять причинами общественными. Ламенне объяснял его политической свободой, расторгшей связи человека с богом и вызвавшей пагубную пресыщенность.¹⁵ Самоубийство Оже, неперменного секретаря Французской академии, пресса рассматривала как результат болезненных процессов в психологии современ-

¹¹ Письмо к Полине Бейль от 1 января 1803 г.: Stendhal. Correspondance, Bibliothèque de la Pléiade, t. I, 1968, p. 40. — Стендаль вспоминал эту элегию и в своей книге «О любви» (1822). См.: Stendhal. De l'Amour, éd Champion, 1926, t. I, p. 184.

¹² Conservateur littéraire, pp. J. Marsan, t. I, partie I, pp. 25—26.

¹³ Poésies d'André Chénier, p. 169.

Souvent le malheureux songe à quitter la vie,
L'espérance crédule à vivre le convie.

Ib., p. 113.

¹⁴ Ср., например, начало тринадцатой элегии. Ib., p. 113.

¹⁵ F. Lamennais. Sur le suicide. Conservateur, t. V, 1819, p. 57—62.

ного человека.¹⁶ Поль-Луи Курье считал, что частые самоубийства вызываются чувством личного достоинства и любовью к собственности, характерными для современного «свободного» человека и отличающими его от феодального раба.¹⁷ Стендаль полагал, что это результат «обманутого честолюбия».¹⁸ В сборнике стихов Сент-Бева «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» размышления героя о самоубийстве произвели впечатление на Пушкина, рецензировавшего этот сборник в «Литературной газете».¹⁹ Другое стихотворение сборника Пушкин считал достойным «стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье».²⁰ В России проблема самоубийства существовала и в 1820-е годы, хотя количество самоубийств по сравнению с западными государствами было ничтожно.

В своей элегии Шенье говорит о «горькой чаше, называемой жизнью», мечтает о смерти, которая могла бы его спасти от страданий, и убеждает себя, что нужно покончить с собой. Но затем он вспоминает о родных, друзьях, о будущем, о своей молодости, о своих незаконченных произведениях. Он цепляется за жизнь, как бы ни была жестока его участь, и пользуется любым предлогом, «чтобы жить и страдать». Шенье называет это слабостью.

Восьмым сентября 1830 г. датирована «Элегия» Пушкина, напечатанная через четыре года.²¹ Она очень напоминает «Элегию» Шенье. Мысль в ней идет как будто тем же путем: мучительное воспоминание о прошлом, предчувствие будущих бед:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Судит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Казалось бы, исход из такого состояния духа — тот самый, который прельщал самоубийц эпохи и тех, кто размышлял о самоубийстве в ученых трактатах. Эта мысль, очевидно, посещает и Пушкина, потому что во второй половине элегии он, так же как Шенье, отбрасывает эту мысль:

Но не хочу, о други, умирать.

¹⁶ Journal des Débats, 8 января 1829 г.; Moniteur, 9 января 1829 г.

¹⁷ Paul-Louis Courier. Gazette de village (1823). Oeuvres, 1861, p. 211—212.

¹⁸ Статья от 12 февраля 1823 г. Courrier anglais, éd. «Le Divan», t. I, 1935, p. 89.

¹⁹ Ch. Saint-Beuve. Vies, poésies et pensées de Joseph Delorme, 1829, Рецензия в «Литературной газете» от 5 июля 1831 г., № 32. См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. V, 1936, стр. 51.

²⁰ Там же, стр. 54. — С «Жозефом Делормом» Пушкин познакомился еще в начале 1830 г., не позже начала мая, что явствует из письма к Е. М. Хитрово, датированного 19—24 мая 1830 г. См. там же, т. V, стр. 219

²¹ Библиотека для чтения, 5 июня 1834, т. VI.

Он надеется на то, что в жизни его ожидают не только «труд и горе»:

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволенья.

И одно из этих наслаждений будет радость творчества («Порой опять гармонией упьюсь») — так же как и для Шенье, говорящего о своих незаконченных или не доведенных до совершенства произведениях.

Если учесть внимание, какое уделял Пушкин французскому поэту, роль, какую Шенье сыграл в истории его поэтической и идейной эволюции, воспоминания о нем во многих стихах на протяжении многих лет, можно предположить, что «Элегия» Пушкина генетически связана с «Элегией» Шенье.

Но какая огромная, принципиальная разница между ними в художественном и философском отношении!

Шенье страдает от необходимости трудиться — очевидно, в своей должности секретаря посольства — и от разлуки с парижскими друзьями и привычным образом жизни, от презрения глупцов и «бедности».

У Пушкина «печаль минувших дней» связана, очевидно, с бесплодно проведенной юностью. «Безумных лет угасшее веселье» само по себе свидетельствует о том, что веселье это не достойно сожалений, и поэт огорчен не тем, что он его утратил, а тем, что когда-то был ему чрезмерно предан. Это — недовольство собой, может быть, тайные угрызения, в то время так часто встречавшиеся в литературе и в общественном сознании.

Для Шенье могила — «желанное прибежище». Он уверен, что разумно было бы покончить с собой, чтобы избежать горестей в дальнейшем, потому что ничего другого он в жизни не найдет. Он упрекает себя, как и всех людей вообще, в том, что из слабости воли не может заставить себя сделать это.

У Пушкина нечто прямо противоположное: его не пугает до бесчувствия и отчаяния «грядущего волнуемое море»; несмотря ни на что, он не хочет умирать и не ищет самоубийства: он хочет жить. Для этого ему не нужно искать предлогов, он знает, что жизнь таит в себе не только горе, но и наслаждения, и для него это ничуть не иллюзия.

У Шенье человек, который не может наложить на себя руки, — просто трус, он вопреки разуму хочет «жить и страдать», он ослепляет себя надеждой, и смерть, столь сладостное избавление, кажется ему, ослепленному, из всех зол самым жестоким.

Пушкин хочет жить, «чтоб мыслить и страдать». Как понять эти изумительные слова? Дает ли мысль счастье, окупающее всякие беды жизни? Или она сама причиняет то высокое страдание, о котором и не догадывается безмозглый весельчак? Рассматривает ли Пушкин мысль как долг, как миссию, кото-

рую человек должен выполнять ценою страданий? Очевидно, есть здесь и этот оттенок нравственной обязанности, исполнение которой приносит вместе со страданием высокое наслаждение.

Затем Пушкин как будто возвращается к утешительному гедонизму:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Но тот, кто упивается гармонией и обливается слезами над вымыслом, не похож на того, кто ищет счастья в вине.

Любовь, «прощальная улыбка» которой озаряет «печальный закат», — совсем не та любовь, которую когда-то поэт искал среди пиров и «дев веселья». Это не наслаждение в прямом и «реальном», физическом смысле слова. Это нечто другое и большее: скорее, награда за прожитую жизнь, благодарность судьбы за нерастраченное зря духовное богатство.

Так, как будто оставаясь в рамках гедонизма, Пушкин преодолевает гедонизм старого, гельвецианского толка, от которого не мог уйти в своих юношеских произведениях. Гедонизм Гельвеция и многих других сенсуалистов и утилитаристов XVIII в. низводил каждый поступок к расчету на немедленно следующую за ним чувственную награду, на которой и строил свою этику. В «Элегии» Шенье тщетно было бы искать того психологического и вместе с тем философского выхода в нравственную проблематику большого плана, который открыл для себя Пушкин. Шенье не нашел в жизни наслаждений и ценностей, ради которых стоило бы жить, — вероятно, потому, что его гедонизм в своей философской основе был сенсуалистичен и не мог оторваться от физического ощущения. В этом гедонизме не было идеи долга, нравственной ответственности, а потому «жить» для Шенье значило только «страдать». Заменяв эту формулу другой, своей, — «жить» значит «мыслить и страдать», Пушкин пришел к открытию, к которому стремился девятнадцатый век.

Вероятно, так понимал (или ощущал) пушкинскую «Элегию» каждый внимательно читавший ее русский читатель. Сравнивая ее с французским прототипом, можно заметить удивительную разницу в отношении к жизни и ее нравственному содержанию между французским элегиком конца XVIII в. и русским поэтом 1820-х—1830-х годов.

Едва ли можно было бы предположить, что Пушкин вступил в сознательную или осознанную им самим полемику со своим любимым Андреем Шенье. Но если он вдохновился знаменитой элегией, то прежде всего потому, что воспринял ее совсем в другом плане, вложив в ту же тему свою собственную философскую и творческую мысль.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЭТИКА
И СТИЛИСТИКА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА
ВИНОГРАДОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1971